

Анастасия Ланшина

ЧЕГО ТЕБЕ
НАДОБНО

16+

Анастасия Ланшина

Чего тебе надобно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66402516

SelfPub; 2021

Аннотация

Вышел в море не старик, а подросток, и поймал он не золотую рыбку, а медно-ржавую огромную рыбину. Но история завязалась почти пушкинская. Не знал Кирилл толком, чего ему надобно, но попросил любви. Да только любовь не выпрашивают, не требуют, а отдают... А вымученная любовь весь мир сломать может.

Анастасия Ланшина

Чего тебе надобно

Рыбка... Вообще-то это была здоровая рыбина, похожая на судака, и цвет у нее был не золотой, а какой-то ржавый. Рыболовный крючок впился ей в нижнюю челюсть, поэтому говорила она невнятно; вообще непонятно было, как она говорила, если по чесноку. Кирюша был тот еще рыбак, и такая добыча его больше испугала, нежели восхитила, а уж когда эта Рыбка (она типа представилась: «Золотая Рыбка. Так привычнее») заговорила, он с размаху сел на дно лодки, оттолкнув ее подальше. Тварюга попыталась перевалиться через борт, но безуспешно, а потом Кирюша услышал жестяной ее голос, и ему самому захотелось за борт и быстро-быстро к берегу. Но пришлось слушать.

Валечка тогда как раз ждала результатов экзаменов, и в планах у нее никакого Кирюши не было, а был город, пединститут, Москва и прочие глупости, как говорила Кирюшина бабушка. Мама морщилась, не глядя на Кирюшу, и шипела – оставь в покое, не видишь, не нравишься ты ей. А бабушка всегда поддерживала – надо, говорила, бороться за свою любовь, и переключала телик на очередной свой слезовыжимательный сериал. А потом бабка умерла в одну ночь от инсульта, как раз когда пришли результаты Валечкиных ЕГЭ. Кирюша горевал, бабку похоронили, благо – разгар сезона,

все пляжи и какие ни есть халупы забиты отдыхающими, и денег хватило. А Валечка ходила и сияла – баллов хватало на дневной и на бюджет, пусть и в Ейском филиале СГУ. Валечкин отец хмуро подсчитывал хилые заработки и выходил в море чаще прежнего. А море было пусто в тот год.

У Кирюши два года назад не набралось и на рыбопромышленный техникум, да он и не рвался – рыба эта уже поперек горла была. Отслужил год, пришел домой злой, но веселый, и начал, что ж делать, в море ходить – сбывал немногочисленных пойманных бычков и хамсу в прибрежную кафешку в Семибалках.

...Рыбка человеческим своим жестяным голосом ругалась сначала, Кирюшу проклинала, потом помолчала чуть, и Кирюша тоже молчал, а лодка поскрипывала, и в жабрах у Рыбки пузырилась вода, окрашенная красным; а потом она спросила, чего ему надобно.

Кирюша все это время вспоминал, не выпил ли вчера около автобусной остановки, где ежевечерне тусили местные его друзья, лишнего (вроде только пиво было), или Слепень ему какую дурь впарил, но ведь Слепень давно не приходил, и Кирюша был чист, хоть в баночку писай и директору школы предъявляй (у которого уже власти над Кирюшей никакой нету). А потом наступила ясность в голове (чешуйчатая тварь видно постаралась), и Кирюша сказал, что ему надо Валечку. Только Валечка его не любит, мать говорит, да и сам он тоже. Чувствует.

Рыбка как-то странно крякнула, из жабр вылез особо крупный багровый пузырь, и Кирюша почему-то понял, что это она, господи боже, смеется.

Отметить надо, сказала Рыбка. Кирюша не понял, чего тут отмечать – сорок дней бабке не скоро еще, но Рыбка добавила скрипуче "валечку твою и тебя" (вот так, как будто с маленькой буквы); и вдруг выгнулась дугой и осклизлым своим хвостом начала лупить по борту, а ржавая чешуя полетела в воду и прямо Кирюше в лицо. Пометила, всё тебе будет, страшным голосом, будто гигантской вилкой прошлись по стеклу, взвизгнула Рыбка, и Кирюша, упершись локтями, уперся в Рыбкин бок резиновым сапогом и, поднатужившись, отправил тварь в синее море.

Это ж Пушкин. «Чего тебе надобно, старче?» и все такое... Жиза, растерянно думал Кирюша, берясь за весла. Я ж к ней, к этой рыбине, теперь еще два раза прийти должен, потому что мне будет всего мало. И паника затопила приливом, спина взмокла и зубы выбили дробь. Крюк-то у нее в челюсти остался... А если мстить будет?..

Дома у него поднялась температура, и мать трое суток сбивала ему жар анальгином. От ржавой чешуи на левой щеке остались четкие следы, словно кошка прошла лапой. Ранки долго заживали, а после них остались шрамы – будто кто-то под кожей у Кирюши протянул три черные нити.

Аномальный холодный фронт обрушился на побережье Азовского моря, сказал телевизор, и дома стало влажно и

неуютно. Курортники, словно сметенные пронизывающим ветром и дождями, подхватили надувные круги и стайей полотенечных махровых бабочек отбыли, так и не дождавшись рекламного бархатного сезона. Результаты Валечкиного ЕГЭ внезапно оказались не такими уж и замечательными, она сникла и поступать передумала. Да и отец ее в одной из сверхурочных смен простудился, в следующей смене добавил и слег – пневмония с осложнениями на сердце. Валечкина мать продала старый фургончик-«буханку» Кирюшиной матери, и Кирюша, благо права все же в Ейске успел получить, стал возить из Азова колу и коробки с упаковками чипсов для местного магазина.

Иногда он подвозил Валечку – она в Азове устроилась сэндвичи «строить» в местном «Сабвее». Она будто истончилась, глаза стали еще прозрачней, стрелки на веках навела ярко-синие, до самых висков, а еще выбила татуху там, где тонкая шея переходила в тощую спину. Валечка не вынимала из ушей наушники, каждый раз всю дорогу до Семибалок листала список треков на своем телефоне, а Кирюшу называла «А, это ты».

Наврала рыбина, думал Кирюша, крутил баранку и молчал. Может и к лучшему.

А однажды ночью выпал черный снег. Рано утром мать вышла в серую муть, которая уже несколько недель стояла над побережьем, и заскрежетала лопатой по дорожке, отбрасывая в сторону черно-серые с редкими прозрачными про-

плешинами, полосы снега. Черный снег был как обычный, белый, таял быстро, только ручейки были как чернильные потеки. Население Семибалок пороптало, бабки предрекли скорый конец света – мало того, что снег в конце сентября, да еще и черный! но потом все как-то успокоилось, а чернильные потеки частью в землю впитались, частью в море ушли. Среди пластиковых пакетов, окурков и прочего мусора, что покачивался у берега вперемешку с водорослями и пеной (очередной теплоход вывалил свои мусорные баки где-то в море) черные струйки были почти не заметны.

Выброс небось какой-то, сказала мать. Экология. Вон, Валечка к врачу тут ходила – что-то с кожей у нее после этого снега. Будто крапинки. Кирюша потом специально украдкой посмотрел – ничего не крапинки. Как обычные родинки, две из них – на щеке и запястье, будто капли темного воска. Будто метки. Раньше не было, а теперь есть... да и ладно.

Валечка ему снилась каждую ночь. И сегодня он будто только закрыл глаза – а она уже заходит, открывает духовку, словно у себя дома, и вытаскивает противень, а на противне – луна, белая, ноздрястая, похожая на гигантскую таблетку анальгина. Разрезает Валечка луну большим ножиком, вонзает в кусок рыболовный крючок да перетаскивает на тарелочку. Скушай пирожка, свет мой ясный, говорит Валечка, я тебе еще пригожусь. И он берет белый зернистый пенопластовый треугольник и спешит его в рот запихнуть, пока не рассыпался, а во рту – вкус цементной пыли. И на стол с ме-

таллическим звяком сыплются ржавые чешуйки.

Наступил октябрь, курортники так и не вернулись, было по-прежнему сыро и холодно. Колу и чипсы почти перестали заказывать, но Кирюша все равно ездил в Азов будто по молчаливой договоренности и стоял напротив «Сабвея», ждал, пока Валечка выйдет, как бы повернет в сторону автобусной остановки, а потом случайно увидит его и молча сядет рядом.

Слепень предложил наняться охранниками в гостиницу в Ростове-на-Дону, график сутки через двое, но Кирюша не хотел мать оставлять, и поездки из Азова тоже. Да и Валечка как-то вечером выключила музыку, наушники вынула и ехала всю дорогу, слушая «Дорожное радио» и иногда даже подпевая.

Отцу ее оформили инвалидность, и он теперь каждое утро выходил из дома, тяжело ступая шел до берега и стоял, курил, натужно кашлял, временами сплевывая тягучую слюну, окрашенную красным – как у Рыбки тогда. Это Кирюше тоже снилось.

Ему вообще казалось, что он теперь все время спит. И когда однажды он остановил «буханку» на полдороги к Семибалкам и взял Валечку за руку, ему совсем не было страшно и стеснительно, это ж сон. Он осторожно погладил родинку-каплю на запястье, а потом родинку-каплю на ее щеке. Отметина, подумал Кирюша, а Валечка закрыла прозрачные глаза и подставила ему губы, как в кино.

Процессия на «уазиках», Кирюшиной «буханке» и двух «жигулях» из областного ЗАГСа приехала напрямик в Семибалки – решили обойтись без ресторана. Шел мелкий дождь, ветром трепало голые ветви придорожного кустарника, вдалеке свинцовые волны бесконечной чередой накатывались на песчаный берег. Пока добрались до места, молодоженов укачало, и выпитое сразу после свадебного марша и судьбоносных закорючек в амбарной книге шампанское попросилось наружу. Кирюша был ошалелый и многословный, а Валечка молчала и глядела сквозь гостей прозрачными глазами, теребя изрядно полысевший букет. Маленькие родинки на щеке и запястье ее совсем не портили.

Кирюшина и Валечкина матери расстарались – места на столе из-за наставленных блюд, тарелок и салатников не было вообще, салатов было восемь наименований, нарезки мясной и сырной четыре блюда, и еще в холодильниках на пенополистироловых поддончиках лежало; горячее в гостей влезло только после того, как водки два ящика ушло в легкую, и даже Валечкин отец, подбрав, обнял жениха и сипло крикнул ему в ухо «Уважаю, Кирюха!». Рыбных блюд решили не делать. Молодым постелили в бабкиной комнате, и они, пьяно хихикая, перебрались с кровати на пол, чтобы не скрипеть, пока в ночи свекровь и теща гремели посудой и пересчитывали свадебные подарки, а Валечкин отец со Слепнем спорили про рептилоидов.

Утром у Кирюши во рту был вкус цементной пыли, а Ва-

лечка смотрела на него и сквозь него прозрачными глазами и молчала. Ему по-прежнему казалось, что он спит и никак не может проснуться, а воздух вокруг густой, как кисель, и он дышит просто по недоразумению. Ошибся, ошибся, думал Кирюша, неправильно пожелал. Она же меня не любит, и как же вокруг холодно. Что думала Валечка, было неизвестно.

Время после свадьбы будто понеслось на ускоренной перемотке, а каждый день нескончаемой резиновой лентой тянулся и тянулся, и между утренним звонком будильника и душной вечерней темнотой была вечность. Валечкиному отцу становилось все хуже, и мать ее разрывалась между ним и работой, а денег на лекарства уходило все больше, так что Кирюша со Слепнем все же оформились охранниками. В перерывах между вахтами он пару раз попробовал Слепневу дурь, но даже она не разгоняла кисельный воздух. А однажды ночью он воткнул ржавый рыболовный крючок в нежную Валечкину губу и проснулся с криком и в поту, а рядом лежала, скрючившись, Валечка и плакала. Он натянул брюки и бросился к синему морю, будь оно неладно.

Кирюше казалось, что он все хорошо придумал – так и надо с ними, которые желания исполняют. Как следует надо обдумать, чего просишь. Чисто конкретно. Рыбка в этот раз вообще не говорила, только как-то странно перекосившись, находилась около лодки, и плавник торчал косо вверх, будто поломанная ржавая расческа. Ляльку бы нам и денег побольше, сказал Кирюша, и плавник исчез в серой водяной

хмари.

В Новый год после тягостных ночных посиделок с салатами и колбасами около телевизора Валечкиного отца отвезли на скорой в больницу в Ейск. Теперь Кирюша регулярно возил туда Валечкину мать, которая целыми днями пекла пирожки с рыбой и жаловалась, что отец ничего не ест и страшно отоштал. Валечка отказывалась идти становиться на учет в женскую консультацию и продолжала работать в «Сабвее», хотя ее все время тошнило.

Знать бы, чего она хочет, говорил Кирюша Слепню, когда они попадали в одну смену. Она со мной не разговаривает почти, только музыку свою слушает. Деньги несую в дом, говорил Кирюша, отупел от работы этой – не трудно, но как-то вязко... У вас вся жизнь впереди, Кира, подкалывал его Слепень, подкопите, новую машину, ремонт – вот и придет в ум твоя Валька.

Люблю ее, на руках бы носил, да хоть бы и бросила она эту свою бутербродную, только ребенку вредит, говорил Кирюша, не понимая, вслух он это произносит, или ему кажется. Забей, говорил Слепень, кто этих баб поймет, оставь ее в покое. Это у ней гормоны.

Когда кончался март, и было уже совсем тепло, одной ненастной ночью у Валечкиного отца горлом пошла кровь, а сама Валечка вдруг грянулась о кафельный пол прямо у прилавка с начинками для сэндвичей, и ее скрутило острым раздирающим низ живота спазмом. Оперировали их почти

одновременно, и оба потеряли не сказать чтоб много, но все же: одно легкое и маленький сгусток плоти, который не успел обзавестись ни душой, ни будущим. Валечку выписали через три дня.

А однажды впервые за несколько недель Валечка сказала Кирюше что-то кроме «Ужин греть?». Она сказала: зачем мы все это затеяли? Почему я тебя не прогнала тогда? И еще сказала: я не понимаю, что мне теперь делать. И глаза у нее были цвета свинца.

Весна была уже в разгаре, но погода так и не установилась, шторма приходили на побережье один за другим. И тогда в третий раз Кирюша закинул невод. Море будто кипело, и волны били одновременно со всех сторон. Рыбина проплыла мимо лодки, выставив громадный ржавый плавник, который мерзко царапнул по борту, и ушла в глубину, чтобы через секунду выставить свою башку с торчащим в челюсти крюком с другой стороны. Кирюша взял наперевес весло и изо всех сил крикнул в пустые рыбы глаза, чтобы она все отменила! Ему не этого надобно было!

Отпустишь? – проскрипел жестяной голос, и Кирюша подумал: да. Пусть она будет свободна. Крюк вытащи, молвила Рыбка, и голос ее прозвучал глухо и устало. В лицо Кирюше брызнуло дождем, и он, с трудом держа равновесие, отложил весло, наклонился и рванул проклятую железку. Что-то заскрежетало, Рыбка грянулась о лодку, раздался звук, будто скрутили и сломали железную арматуру; ржавая чешуйка

просвистела около Кирюшиного уха, и он почувствовал теплую струйку, бегущую по шее.

И тебя отметила, со спокойным удовлетворением сказала Рыбка и ушла в глубину.

Кирюша с сожалением посмотрел на пустой крючок. Сорвалась, а здоровая была, подумал он и решил на сегодня ограничиться десятком бычков. День обещал быть жарким, и надо было успеть отвезти документы в рыбопромышленный техникум – хватит болтаться, как цветок в проруби, какой-никакой диплом нужен.

Вместо курортников в Семибалки уже неделю как прибыла целая толпа, как они себя называли, волонтеров-экологов с мусорными мешками, в рабочих перчатках и с походной лабораторией для анализа воды. Две гитары стояли рядом с потрепанными рюкзаками во дворе у Кирюши, да и Валечкины родители все свои пустующие комнаты сдали. Мешки быстро кончились, но экологи не унывали и собирались развлекаться таким образом не меньше двух недель, и Кирюша подрядился им помогать, только вот оригинал аттестата надо было сдать в приемную комиссию.

У остановки притормозила «буханка», и Валечкин отец громко свистнул, а потом подождал, пока Кирюша заберется в тесное пекло салона. Она уже была там, в ушах – как всегда наушники, проводок вьется около гладкой молочно-белой щеки. «А, это ты», – поздоровалась Валечка, а Кирюша сказал: «Меня Кирилл зовут». Глаза у нее были прозрач-

но-зеленые, и она улыбалась, а потом осторожно вложила один из своих наушников в Кирюшино ухо, прямо рядом со свежим шрамом.

А в глубине синя моря, резко вильнув, ушла в сторону Тамани огромная белуга с удивительной золотистой чешуей.